

Начать с того, что трусливого подлеца, который заварил всю эту кашу и довел Шэнь Синьжу до самоубийства, я так в глаза и не увидел. До самого конца я понятия не имел, кто он такой.

Впрочем, мой наставник, Шестой господин Ху, успокоил: в Преисподней все его прегрешения уже записаны в книгу судеб, строчка за строчкой. Стоит этому негодяю спуститься в преисподнюю, как пробьет его час суда.

Шэнь Синьжу теперь дожидается его в преисподней. Только когда подлец понесет заслуженную кару, ее истерзанная душа сможет со спокойным сердцем уйти на перерождение. А что касается Су Юэюэ... Брат Цзиньган рассказывал, что ей сначала придется искупить свои грехи в Преисподней, и лишь потом она получит право на новое рождение.

Мать Шэнь Синьжу — несчастная женщина, пленившая Бессмертного Желтого ради мести за дочь, — официально признана невменяемой. Власти определили ее под надзор в специализированную лечебницу. Бедная душа, похоже, ей суждено провести там остаток своих дней.

Шестой господин говорил, что за заточение духа-покровителя и использование его силы во зло рано или поздно приходится платить. Кроме того, пусть даже косвенно, но из-за Хуан Дачжуана трагически погибла Су Юэюэ. Ему тоже полагалось наказание. Однако, приняв во внимание смягчающие обстоятельства, совет бессмертных обошелся с ним милостиво. Сейчас отец и сын отбывают повинность в одной из уединенных обителей клана Хуан. Закончив службу, они останутся там для медитаций и самосовершенствования — будут упорно трудиться, чтобы поскорее обрести истинную даосскую плоть.

После того как все улеглось, мне на счет капнуло совсем немного духовной заслуги. Впрочем, я иллюзий не питал: в этой заварухе от меня толку было чуть, так что спасибо и на том.

Зато владелец бара, брат Пэн, нанявший меня, оказался мужиком с понятиями. Стоило мне сообщить, что дело закрыто, как он по старой традиции на седьмой день после кончины девушек вручил мне пухлый красный конверт. Внутри обнаружилось целых три тысячи юаней! Для меня это огромные деньги, почти полгода безбедной жизни на одной лапше.

Я впервые в жизни держал в руках такую сумму, заработанную собственным трудом.

Поначалу меня, конечно, терзали смутные сомнения: духовную заслугу от Небес я уже получил, брать сверху еще и мирские деньги казалось делом не совсем чистым, если не сказать предосудительным.

Но тут вмешался мой Второй наставник — то бишь наш достопочтенный предок. Он веско изрек, что эти деньги честно заработаны и пойдут мне на пропитание, так что брезговать не стоит. Только после его благословения я с чистой совестью и дрожащими от восторга руками сгреб юани в карман.

Как только за гостем закрылась дверь, я подпрыгнул чуть не до потолка и принялся исступленно целовать каждую хрустящую купюру.

Все банкноты были новенькими, только из банковской пачки, пахли типографской краской и никакой вековой грязи на себе не несли. Да и вообще, деньги любят все, чистые они или грязные, так к чему сдерживать порыв искренней детской радости?

Разжившись капиталом, я решил повременить с поисками новой подработки. К тому же неумолимо приближался конец семестра: мне кровь из носу нужно было представить выпускную картину, так что мыслям о халтуре на стороне пришлось помахать ручкой.

На нашем отделении станковой масляной живописи преподаватели драли три шкуры. Это дизайнеры могли набросать левой ногой какую-нибудь абстракцию и получить свой зачет автоматом, а нам приходилось выкладываться на полную катушку.

Куратор строго-настрого предупредил: итоговые работы будут оценивать ведущие профессора академии лично.

Напишешь шедевр, приглянешься какому-нибудь мэтру — и считай, вытащил счастливый билет. Он возьмет тебя в личные ученики, будет не только делиться секретами мастерства, но и протащит на престижные выставки, поможет организовать персональный показ, раскрутит твоё имя и поднимет цену на твои холсты.

Ну а если схалтуришь и останешься без покровителя — пиши пропало. В лучшем случае тебе светит унылая доля ремесленника при заштатной галерее: будешь до конца дней штамповать копии чужих шедевров, которые хозяева станут сбывать под видом элитных реплик.

Заработать на этом, конечно, тоже можно, но творческая гордость усохнет и отвалится за ненадобностью. Настоящему художнику от такой перспективы удавиться захочется.

Моя же главная цель на этот год — застолбить себе теплое местечко в небесном реестре бессмертных и переписать проклятую судьбу, сулящую мне скорую кончину. Так что выставки, галереи и высокие материи искусства волновали меня меньше всего.

Зато академическая успеваемость касалась меня самым непосредственным образом.

Мою зачетку товарищ Чжоу Цзефан изучит под лупой, да и мама с нее глаз не спустит. Так что ударить в грязь лицом я не имел права. Желательно было вообще оказаться в первых рядах: тогда и матушка расцветет, и у отца появится повод гордо выпятить грудь перед соседями, да и сестренка порадует.

Темой зачетной работы заявили портрет. А портрет, как известно, требует натурщика.

В те годы профессиональная модель стоила не меньше пятидесяти юаней в час. Обычно группа скидывалась из общего фонда, но за эти скромные деньги соглашались позировать разве что совсем невзрачные персонажи. Если же требовалась обнаженная натура, ценник взлетал до небес.

Я, будучи беспросветно нищим студентом, такую роскошь позволить себе не мог. Оставался один вариант — скооперироваться с кем-нибудь из одноклассников, нанять натурщика в складчину и писать его с разных ракурсов. Большинство ребят именно так и поступали.

Я тоже планировал прибиться к какой-нибудь компании, чтобы разделить расходы, но, как назло, все приличные ребята разбились по парам еще в начале семестра. За бортом остались лишь пара-тройка отщепенцев, с которыми никто не хотел знаться, да я — вечный прогульщик, который то появляется в академии, то исчезает без следа.

Честно говоря, в университете я светился только на парах, а все внеучебные тусовки обходил стороной. Не то чтобы я совсем дичился людей, просто времени на пустую болтовню катастрофически не хватало.

Моя жизнь таяла на глазах, песочные часы неумолимо отсчитывали последние месяцы. Слишком много дел нужно было успеть завершить, поэтому студенческими посиделками пришлось пожертвовать в первую очередь.

Оставшиеся без компании одноклассники доверия не внушали: одни тряслись над каждой копеечкой, другие отличались редкостной эксцентричностью, переходящей в откровенный маразм. Попытавшись наладить с ними контакт, я быстро понял, что дело швах, и умыл руки.

Мой суровый северо-восточный нрав просто не выдержал бы подобного соседства. Разодрались бы в первый же день.

И вот, когда я тоскливо валялся на диване, судорожно соображая, где бы раздобыть бесплатного натурщика, судьба преподнесла мне сюрприз. В нашем доме объявился гость из мира духов — бессмертный, которого я раньше никогда не видел.

Стояло погожее июньское утро. Вернувшись с пробежки, я вооружился ведром и тряпкой, намереваясь прибрать наше домашнее святилище. Но стоило мне переступить порог комнаты, как я застыл на месте. У окна стояла Фэн Мэй. В руках она держала изящный веер, из-за которого на меня смотрели подернутые легкой дымкой грусти, повидавшие жизнь глаза.

Ее волосы лежали крупными, тяжелыми волнами, в ушах поблескивали золотые серьги, а изысканную фигуру облегалo золотистое ципао, расшитое пышными алыми цветами дикой сливы.

В ее облике сквозила кричащая, почти вульгарная роскошь кабаре прошлых лет, но при этом от нее веяло щемящей пустотой и одиночеством. Она смотрела на меня, но взгляд ее был

устремлен куда-то сквозь время. Похоже, до моего прихода она просто грелась в лучах утреннего солнца.

— Доброго утра, сестрица. Подскажите, как мне вас величать? — выдохнул я, замороженный этой картиной.

Мне потребовалось немало времени, чтобы взять себя в руки. Я явственно ощущал, что она принадлежит к нашему святилищу, но никак не мог вспомнить ее имя.

— Меня зовут Фэн Мэй, я из Палаты Чистого Ветра, — певуче отозвалась гостья. — У братьев Чжао Дагана и Чжао Цзиньгана образовались неотложные дела, они вернутся нескоро. Твоему алтарю сейчас не помешают лишние руки, вот я и пришла. Можешь звать меня просто сестрой Мэй.

Фэн Мэй. Простое, незамысловатое имя.

Я знал, что большинство «чистых ветров» после смерти берут себе новые имена, а порой и фамилии. Для них превращение в бессмертных духов знаменовало начало новой, иной жизни, в которой земное прошлое развеивалось без следа.

— Раз так, сестра Мэй, не хотите ли чего-нибудь перекусить? Я как раз собирался за едой, могу прихватить и на вашу долю.

Все равно после обеда я собирался в академию и по дороге подкармливал бродячих кошек и собак, так что продукты не пропали бы.

При моих словах глаза Фэн Мэй на мгновение блеснули, но тут же подернулись поволокой воспоминаний. Спустя минуту она тихо спросила:

— А рисовые пирожки дагао найдутся? Те, что со сладкой начинкой.

Я закивал:

— Да, на рынке за углом как раз торгуют такими. Мне по пути.

«Хотя постой... Собакам и кошкам такое давать нельзя, у них желудки от клейкого риса мигом встанут. Ладно, если останется, отдам какому-нибудь бедолаге-попрошайке на перекрестке. Главное, чтобы не побрезговал».

За пирожками даже вглубь рынка заходить не пришлось — лоток стоял у самого входа. Купив сладкое лакомство, а заодно пять паровых баоцзы с мясом и миску пшенной каши для себя, я оседлал велосипед и покатил обратно.

Вернувшись, я вручил угощение Фэн Мэй. Она ела пирожки медленно, крошечными кусочками, замирая после каждого укуса и смакуя вкус так, словно дегустировала изысканное императорское блюдо.

— Ну рассказывай, шаман, чего твоей душе угодно? — спросила она.

Фэн Мэй еще при жизни прекрасно разбиралась в людях, а за последующие сто с лишним лет в облике призрака и вовсе научилась видеть всех насквозь. Мои наивные попытки скрыть корыстный интерес разбились о ее пронизательный взгляд в первые же секунды.

— Сестра Мэй, раз уж вы свободны... Не могли бы вы оказать мне услугу? Попозируйте мне несколько дней. Мне позарез нужно написать картину для зачета, а натурщика взять негде.

Она равнодушно пожала плечами:

— Как пожелаешь. Только с одним условием: без лишней нужды из дома ни ногой.

«Не выходить со двора?» — мысленно удивился я.

В последнее время все шло тихо-мирно, никаких угроз на горизонте не предвиделось. К чему такие предосторожности?

— Скоро сам все поймешь, — загадочно обронила она, заметив мое недоумение.

Вот и поговорили. Сказала — как отрезала. Будь на ее месте кто-то другой, я бы засыпал его вопросами, но спорить с сестрой Мэй не поднималась рука.

В ней чувствовалась глубинная, усталая отрешенность человека, познавшего слишком много разочарований. Казалось, дунь ветерок — и она растает без следа. Впрочем, удивляться нечему: она ведь из породы табачных призраков, их природная суть как раз и состоит в том, чтобы раствориться сизым дымом в воздухе.

Как бы то ни было, бесплатного натурщика я заполучил. Пара сладких пирожков в день — сущие копейки по сравнению со ставками профессиональных натурщиков.

К тому же Фэн Мэй обладала удивительной аурой: в ней причудливо переплеталось величие бессмертного духа и холодная тоска призрака. От одного взгляда на нее в моей голове начинали роиться потрясающие образы.

Силы ей было не занимать. Порой она уходила в себя и создавала вокруг иллюзию старого дворика, словно все еще жила в ушедшей эпохе. Я понимал, что за ее плечами кроется целая драма, но делиться своими тайнами она не спешила. Сестра Мэй могла часами сидеть

неподвижно, уставившись в одну точку, и не менять позы до самого вечера.

Несколько дней я без устали делал наброски угольной палочкой. Исчиркав кучу бумаги, я отобрал три лучших эскиза, разложил их на столе в ряд и принялся завороченно разглядывать результаты своих трудов.

Грешен, иногда во мне просыпалось чисто профессиональное самолюбование — впрочем, этой болезнью страдают почти все художники.

Заметив мою возню, Фэн Мэй бесшумно скользнула к столу и склонила голову над рисунками.

— Сестра Мэй, какой набросок, по-вашему, удался лучше всего? — спросил я, окончательно запутавшись в собственных сомнениях.

— Тот, что посередине, — без колебаний указала она бледным пальцем. — Где я с зонтом иду по старому переулку.

Я пригляделся. Действительно, этот вариант дышал особой атмосферой. Чем больше я всматривался, тем глубже влюблялся в эту композицию.

В последующие дни я засел за детальную проработку эскиза будущей картины «Женщина под зонтом». Как только графическая основа была готова, я взялся за кисти и палитру.

Процесс захватил меня с головой. С каждым мазком я ловил себя на странном ощущении: мне казалось, будто я погружаюсь в ее разум, чувствую биение ее израненного сердца. Я улавливал ту затаенную, болезненную надежду — Фэн Мэй кого-то ждала. Кого-то, кто составлял весь смысл ее прежней жизни.

Но вместе с надеждой сквозь холст проступала беспросветная, леденящая душу тоска. День за днем она выходила к старым воротам, вглядывалась в лица прохожих и уходила ни с чем. А потом одиноко брела по пустынной улице под ярким, издевательски теплым солнцем. Настоящий ливень бушевал у нее внутри, и этот шелковый зонт укрывал ее не от зноя, а от собственной разрывающейся от слез души.

В какой-то момент я словно лишился рассудка. Запершись в мастерской, я забыл о еде и сне. Я не отходил от мольберта ни на шаг, исступленно нанося краску на холст, боясь упустить ускользающее видение.

Лишь на следующие сутки, глубокой ночью, когда стрелки часов приближались к четырем, я обессиленно выронил кисть. Пальцы свело судорогой. Я рухнул прямо на дощатый пол, чувствуя себя абсолютно опустошенным.

Говорят, без безумия нет истинного искусства. Спорить не стану, творческий экстаз — штука

упоительная, но после него чувствуешь себя так, словно из тебя выкачали половину жизненных сил.

Раскинув руки на холодном полу, я прикрыл глаза, пытаюсь удержать в памяти обрывки того мистического транса. Разум гудел, виски сдавило железным обручем. Поняв, что уснуть не смогу, я зашептал строчки из «Канона спасения людей». Монотонный священный текст принес долгожданное облегчение, и сознание мое наконец провалилось в спасительную тьму.

Когда я очнулся, солнце уже стояло высоко. В мастерской царил полумрак, пахло олифой и сухой пастелью. Вокруг не было ни души — даже призрачные обитатели нашего дома куда-то испарились.

На подрамнике предо мной покоилась готовая работа. Картина «Женщина под зонтом» молчаливо взидала на меня, окутанная той же величественной тишиной, что и сама Фэн Мэй.

Глядя на завершенное полотно, я вдруг ощутил непреодолимое желание спрятать его, оставить себе и никогда никому не показывать. В голове даже мелькнула шальная мысль: «А что, если написать копию для зачета, а оригинал сберечь?»

Но здравый смысл быстро взял верх. Сроки поджимали, комиссия собиралась уже на днях. Если я не хотел получить позорный неуд и расстроить родителей, шедевр придется нести в академию.

Как бы то ни было, выпускная работа была готова, и с моих плеч свалилась огромная гора.

<http://bllate.org/book/20253/2188771>